Анатолий САЗЫКИН,
кандидат педагогических наук, доцент

О ЗИМЕ НАШЕЙ БОЛИ И НАДЕЖДЫ, 1942 ГОДА

(О Владимире Мазаеве)

Городу нашему 400 лет. История его – и героическая, и полная почти невыносимых тягот. Не одна сотня лет пребывания в сибирской глухомани. Разбуженный Кузнецкстроем, призванный, как скажет Маяковский, «в сотню солнц мартенами воспламенить Сибирь», он в годы Великой Отечественной окажется, находясь за тысячи километров от фронта, на переднем крае борьбы с врагом. Металлургический комбинат, не останавливаясь ни на минуту, будет ковать оружие Победы.

О разных этапах истории Новокузнецка написано порядочно. Писали о нём и Геннадий Емельянов, и Анатолий Ябров, и Гарий Немченко, и другие авторы. Военная страничка заполнена в основном только публицистикой. Тем больше заслуживает внимания небольшая повесть нашего земляка Владимира Михайловича Мазаева «Пережить эту зиму».

В. М. Мазаев – уроженец Алтайского края. В его раннем детстве семья вынуждена была уехать на Кузнецкстрой. Здесь он окончил школу, в 1957 году – факультет русского языка и литературы Сталинского (тогда) пединститута, стал журналистом и писателем. Имя его стало известно и в Москве, и во всей России.

Позже он возглавлял Кемеровское областное отделение Союза писателей СССР, был главным редактором журнала «Огни Кузбасса». Творчески остался верным родному краю, Сибири. Все его рассказы и повести – о наших краях, о знакомых и близких сердцу людях. Их язык – русский, без заразы всяческих современных сленгов и официальной казёнщины и в то же время без натянутой псевдонародности.

Такова и повесть «Пережить эту зиму» – без сомнения, автобиографическая.

Прототип героя, мальчишки-пятиклассника Толика, – это, конечно, сам автор. Место и время действия – Сталинск 1942 года, та часть города, что расположена за вокзалом, соседствует с Точилино, постепенно поднимается в гору, с которой, как на ладони, открывается город, вся его котловина, с дымной громадой комбината уже под противоположной горой. Рядом – шахты. Видимо, «Западная», от которой уже следа не осталось. Зато остался кирзавод, тоже упоминаемый в повести. За «Западной» была шахта имени Димитрова, от которой остались только развалины административного корпуса. Вполне узнаваемо и бывшее паровозное депо.

Всё остальное содержание повести – плод творческого воображения автора. Но дух правды, точности, абсолютной достоверности в изображении времени, характеров и конфликтов поражает не только нас, ровесников того времени, но и молодого читателя, как поражает только правда.

Сама фабула повествования и предельно проста, и предельно типична для того времени.

У друга Толика Шурки Баздырева, тоже пятиклассника, ушёл на фронт отец. Мальчишки остались за старших в своих семьях. Их главная забота – достать топливо, чтобы пережить лютую и голодную военную зиму в старом деревянном бараке, оставшемся ещё от времён Кузнецкстроя. Они и пытаются это делать, сталкиваясь при этом неизбежно с такими же и тем же занятыми мальчишками с других улиц, особенно из Точилино.

Когда кончатся дрова и уголь, останется одно. Ещё по осени стройбатовцы выстроили в склоне горы длинное овощехранилище, заполнить которое было нечем. Его закрыли. Мальчишки стали пробираться туда, выбивать из верхних пазов через одно двухметровые брёвна и уносить на дрова. И однажды в образовавшийся провал рухнет слой земли и снега с кровли хранилища и погребёт под собой Шурку.

Эту трагическую фабулу автор наполняет необычайно живым, интересным, достоверным художественным содержанием, характеризующим эпоху, людей, обстоятельства военного времени. И самое главное – через детское восприятие: непосредственное, глубокое при всей наивности, искреннее и живое. Он предпочитает психологические сложности, социально острые (не для детского ума) моменты опускать в подтекст, в то же время чётко их обозначая через отдельные детали, характеризующие и время, и внутренний мир мальчишек.

Повесть очень сжата, внутренне динамична, увлекательна.

Попытаюсь обратить внимание на некоторые её художественные стороны.

Первая из них – это достоверное, ненатянутое, острое развитие главного конфликта повести, дав-

шего ей и название «Пережить эту зиму». В этих словах – ключевая точка авторского замысла. Он не говорит об этом ни одного пафосного слова, но страна знала тогда и обязаны помнить сегодня мы, что такое была зима 1942 года.

Для мальчишек в повести сверхзадача – не дать замёрзнуть родным. Они – мужчины в своих семьях. Семья Толика живёт хотя бы на втором этаже деревянного барака, там чуть теплее. Шурка – на первом, где сыро и совсем холодно. К тому же, печку в их квартире отец не успел переложить до ухода на фронт. Один из стройбатовцев, откликнувшись на мольбы матери, успел разобрать по кирпичику для ремонта, а назавтра всю эту команду куда-то перебросили. Война! Взявшийся за дело дед, не печник, собрал её так, что хорошая тяга за минуты выдувала всё тепло, даже плита не нагревалась.

В начале зимы ещё брали дрова и уголь по талонам на складе гортопа, ворочая неподъёмные для мальчишек мешки с углём и выворачивая из заснеженной кучи дрова-«швырок». Но всё это на складе скоро кончилось. Стали ходить выбирать уголь на громадный, высокий террикон вывозимой из забоев вагонетками горной породы. Терриконы тлели скрытыми под породой пожарами, тая смертельную опасность. Тут пошли и драки с точилинскими пацанами, которые считали эти терриконы по праву своими. Но в середине января вдруг на три дня оттеплело, снег начал таять, крутой мороз снова всё схватил, и на обледенелый террикон если чудом и залезешь, то вниз – почти верная смерть. Тогда и задумался Шурка брать деревянные сваи, поддерживающие засыпанную полуметровым слоем земли и снегом крышу пустующего овощехранилища.

Второе слагаемое повести – это система образов, очень много добавляющая в конфликт и в раскрытие авторского замысла. Она немногочисленна. Главных – двое. Вот портрет Толика, содержащий и его характеристику: «Я был тоненький, похожий, как говорили, на четвероклашку с первой парты, от рождения страдал косоглазием. Восьми лет мне сделали операцию, она была мучительной, прошла не совсем удачно, снять очки врачи не разрешили. Однажды при беготне я расколотил их. Два бесконечных месяца пришлось сидеть дома, пока мама с бабушкой великими трудами и знакомствами не раздобыли мне новые. С тех пор я стал для надёжности приматывать очки к ушам суровой ниткой».

Естественно, что на бегу или при напряжённой работе очки запотевают, делая Толика полуслепым, а при всякой мальчишеской потасовке он просто обязан их сначала снять и затолкать подальше в карман.

Шурка – ровесник Толика, но он крепче, сильнее, увереннее стоит на ногах. Он грубоват, резок, а внутренне необычайно надёжен и порядочен, смел и отважен до безрассудства. Они друзья. Толик ему втайне завидует, смело за ним и с ним всюду идёт и любит его. Когда Шурка на верную гибель полез, несмотря на мольбы и уговоры Толика, на ледяной террикон, тот успевает схватить с его ноги драный и разбитый валенок, отбегает с ним в сторону и не отдаёт. Шурка плачет от отчаяния и много от чего ещё. У автора это за текстом. Они всегда вместе, до Шуркиного смертного конца.

Во главе соперников, «точилинских», Гошка Мякиш: «…в широких штанах с чужого плеча, стянутых ремнём на тощем брюхе в крупные складки, в кепке с оторванной пуговицей-нахлебником. Круглую зиму, от осени до лета, в огромном, простроченном грубой ниткой ватнике, запахнувшись в него полтора раза. Во время драчек и потасовок длиннополый, с оборванными застёжками ватник взлётывал лихо за его спиной, точно кавалерийская бурка…».

Гошку все побаиваются, у него уже четыре привода в милицию. Он с друзьями и на терриконе, и в овощехранилище тоже стал приходить за брёвнами. Всегда драки. Но когда последний раз Шурка и Толик их там в темноте подкараулили и драка началась, оба почувствовали, что Гошка совсем не тот. Один мальчишка крикнул: «Не бейте его, у него отца убили!»

Толик живёт с матерью, почти сутками занятой в лаборатории комбината, и с бабушкой. У бабушки жуткие артрозные боли в коленке, она даже ночью укладывает ногу на подушку, а спит на подстилке. Днём ходит по комнате с табуреткой, на которую при каждой остановке кладёт ногу.

Мать Шурки после ухода мужа на фронт пошла работать в горячий цех на тяжелейшую работу, чтобы получать продуктовую карточку первой категории. Пока мать на работе, а Шурка в школе, его трёхлетняя сестрёнка Нюська в вечно холодной комнате и постоянно голодная, укутанная Шуркой, как сноп, во всевозможные одежки, соблюдает строжайший запрет выходить на улицу и близко подходить к горящей электроплитке.

В разговоре с бабушкой Толика она о себе говорит: «Я хо-ошая». На вопрос, почему она хорошая, отвечает: «Ма-енькая и не па-ачу… А вот мама босая, а па-ачет».

У Шурки – всё в душе, а у автора-героя вся «психология» в подтексте, читатель её чувствует и понимает. В таком же более чем сдержанном и жёстком стилевом ключе решена и самая страшная сцена в повести.

На третий день после гибели Шурки вдруг приехал проведать семью его отец, уже офицер, капитан. Мать, совершенно убитая, лежит, вообще не вставая, повернувшись лицом к стене. Отец входит в комнату, мать поворачивает голову, в полном ужасе сползает с кровати и становится на колени… Всё. Толик видит это и закрывает дверь. А мы, читатели, вспоминаем начало повести, когда отец Шурки уходит на фронт. Он даже не уходит, а уезжает на собранном рабочими паровозного депо бронепоезде. Он там один из главных сборщиков и даже уезжает не с оружием, а с инструментальным чемоданчиком в руках. Шурка спрашивает: «Папка, тебя же там не убьют?» И отец отвечает: «Да ты что? На такой-то крепости…»

Художественное время и пространство в повести тоже предельно сжаты. Они почти сведены к реальному времени и месту. И расширены при всей сдержанности очень эффективно.

В повести своё должное место занимает образ комбината. Хорошо видный с противоположной горы, громадный, дымный, тяжко дышащий, задающий своим гудком ритм жизни всему городу, он кажется каким-то чудом света.

Вот как выливаются вагоны-ковши на шлаковом отвале днём и ночью:

«Опрокидываясь, ковш выплёскивает ослепительно-белый язычок. С каждым мгновением язык стремительно растёт, удлиняется – и вот уже сверкающей сказочной лентой сверху вниз перепоясало насыпь. Ослепительно-белое становится золотисто-багряным, потом алым, потом малиновым… Затухает. В той же последовательности и теми же красками – только тысячекратно увеличенно – вспыхивает, расплывается, горит и неистовствует над городом зарево».

Знают мальчишки и про разбитую технику, нашу и трофейную, привозимую на Рудокопровую, и про происходящие там взрывы, узнают и про то, что заводоуправлению привезли немецкие танки и по ним можно лазить.

Расширится художественное время-пространство и воспоминанием Толика об отце, который на Алтае заведовал маленькой сельской школой, сельский интеллигент. На него поступил донос. Отец с семьёй успел уехать на Кузнецкстрой, скрыл диплом учителя, устроился чернорабочим на шлаковый отвал. Здесь ему и обожгло ноги почти до колен раскалённой массой. Он умер. Мать же до самой смерти Сталина в 1953 году не смела никому раскрыть, кем был отец.

Толик тайно завидовал Шурке, что у него есть отец.

Сыграет свою роль и маленькая главка о появлении в городе тысяч беженцев, которых абсолютно некуда поселить. Они уйдут дальше, в ещё более голодные и холодные деревни. Уйдут на вымирание. Жестокие штрихи эпохи.

Есть в повести и коротенькая публицистическая главка, от которой автор, видимо, не смог или не захотел удержаться, «Кто повинен?». Разумеется, в целой цепи бед и трагедий, о которых упоминает автор, виновата война. Но мы, знающие свою историю, думаем и о другом.

Наконец, нельзя не сказать о стиле и языке этой маленькой повести, написанной от лица мальчишки-пятиклассника. Это его видение мира, понимание событий и людей, ровесников и взрослых. Отсюда и общий тон повествования: устами ребёнка. И в то же время сам автор, Владимир Михайлович Мазаев, – это и есть тот ребёнок, выросший и сформировавшийся как писатель. В языке повести совершенно органично слились непосредственность ребёнка и зрелое мастерство, опыт талантливого писателя. Оба этих речевых пласта неразрывно переплетены в повествовании, составляя очень интересное художественное единство.

В финале повести Толик ведёт Шуркиного отца на кладбище к могиле сына. Высоким подтекстовым смыслом полна эта картина: могила Шурки расположена в ряду, где похоронены солдаты из многочисленных новокузнецких госпиталей, умершие там от ран. Шурка с ними, кто отдал свою жизнь, чтобы пережить эту зиму нашей истории.

Когда вспоминаешь впечатление от чтения мазаевского цикла «Рассказы сибирячки», сборника рассказов «Без любови прожить можно», повестей «Человек и окрест него», «Крутизна» и других, то понимаешь, что среди нас жил человек, горячо и беззаветно любивший родную природу, землю Кузнецкую, земляков, родной язык. Любил и умел об этом сказать.

В моём представлении его книги в одном ряду с «Бухтинами вологодскими» и «Привычным делом» Василия Белова, мудрыми и горькими повестями Валентина Распутина, завораживающими высокой простотой рассказами Василия Шукшина. Это наше родное, русское, подлинное и великое.

Эпиграфом к книжке своих произведений, изданных кемеровским издательством «Кузбасс» в 2003 году, он поставил свои слова: «Вернётся ещё почти утраченная ныне мода на рассказанную очень простыми словами житейскую историю».

Эта – одна из них.